

Татьяна Отрадных

Город моего детства

Невыдуманные
истории

Татьяна Отрадных

**Город моего детства.
Невыдуманные истории**

«Издательские решения»

Отрадных Т. А.

Город моего детства. Невыдуманные истории / Т. А. Отрадных —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901203-6

Как быстро меняется мир вокруг нас! Уходят в прошлое вещи, люди, государства. Стала историей советская эпоха, в которой прошло наше детство. Мы слушали сказки на пластинках, нашим DVD был фильмоскоп, а новое поколение смотрит мультики даже не по телевизору, а в Интернете. Но всех нас в детстве объединяет одно — яркость и новизна впечатлений, когда каждый день случается маленькое чудо и в самых простых вещах оживает сказка. Правдивые, живые истории будут одинаково интересны взрослым и детям.

ISBN 978-5-44-901203-6

© Отрадных Т. А.
© Издательские решения

Содержание

Город моего детства	6
Лиза	9
Тихий час	13
Мороженое	16
Черепашка	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Город моего детства Невыдуманные истории

Татьяна Александровна Отрадных

Иллюстратор Татьяна Александровна Отрадных

© Татьяна Александровна Отрадных, 2017

© Татьяна Александровна Отрадных, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4490-1203-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Город моего детства

Моё детство прошло на Северном Урале, в молодом городе шахтёров и металлургов – тогда ещё молодом. В годы Великой Отечественной войны за Урал эвакуировали промышленные предприятия из европейской части страны, так появился Богословский алюминиевый завод и город Краснотурьинск, выросший из Турьинских рудников, разработанных ещё первыми уральскими промышленниками.

Город уютно расположился на высоком холме в излучине реки Турьи, со всех сторон окружённый вековой тайгой. Но тайга недолго оставалась девственной и нетронутой: её разрезали железнодорожные ветки с узловыми станциями и тихими полустанками, асфальтовые дороги соединили город с соседними посёлками, шахтами и карьерами. Примыкающий к городу лес стал излюбленным местом отдыха горожан. Здесь появились небольшой парк аттракционов и летняя эстрада. Многочисленные скамеечки и лавочки расположились по краям двух обширных полей, на которых семейным парам можно было отдохнуть, пока детвора катается на качелях и каруселях, а потом вместе неспешно прогуляться по извилистым тропинкам лесного парка. Вдоль тенистых дорожек летом смело алела земляника, мерцала костяника, а осенью во мху багряными, матовыми бусами рассыпалась брусника. Стоило лишь на пару шагов углубиться в лес, сойти с утоптанной тропинки, как тут и там находились грибы, и прогулка превращалась в охоту за грибами.

В праздничные дни на лесных полянах проходили «широкие народные гуляния» – ярмарки, которые не оставляли равнодушными ни детей, ни взрослых. На ярмарках торговали сладостями и лакомствами, кустарными изделиями и сувенирами: берестяными туесками, деревянными солонками и ложками, вязаными шалями и кофтами, расшитыми унтами и валенками. В марте на «Масленицу» устраивали катания на тройках. Лошади с лентами в гривах несли за собой санки или расписные повозки, весело гремя бубенцами на сбруе и под дугой. В толпе бродили коробейники, продавали с лотков сигареты и спички, леденцы и сладости, скоморохи сыпали шутками-прибаутками, водили хоровод вокруг чучела Зимы, приглашая присоединиться детей и взрослых. На эстраде играли ансамбли баянистов и балалаечников, выступали хоровые самодеятельные коллективы. На деревянных, грубо сколоченных столах, покрытых белыми скатертями, стояли огромные блестящие самовары с горячим чаем. Тут же на живом огне выпекали блины на больших чугунных сковородах. Торговки в валенках, в ярких цветастых платках, повязанных поверх меховых шапок, шуб и тулупов, продавали всем желающим чай с блинчиками, а так же бублики, баранки, леденцы на палочке, лимонад, пря-

ники. Снег на поляне таял, стоптанный сотнями ног, из репродукторов била плясовая, горячий чай на морозе обжигал губы, замерзшие без варежек пальцы слипались от сладостей. Поднятый пронсящейся мимо тройкой вихрь вдруг накрывал волной колючего снега, оглушая гвалтом бубенцов. В треске костра и россыпи искр сгорало соломенное чучело Зимы и, вместе с чёрным дымом, столбом в серое небо поднимался весёлый гул праздничной толпы...

На летнем «Сабантуе» тоже была ярмарка, угощения национальной кухни татар, башкир, удмуртов и марийцев – представителей коренного уральского населения, колоритные песни и танцы на языках малых народов нашей необъятной страны, но главным событием праздника считались соревнования в силе и ловкости. Бег в мешках, лазанье по столбу, бои мешками верхом на бревне – каждый мог потешить свою удаль и получить заслуженную долю восторга зрителей. Ну, а победителю состязаний доставался главный приз и всенародная слава до следующего праздника.

Дух состязания, стремление быть первым, лучшим в те годы воплотил в себе девиз движения ГТО – «Быстрее, выше, сильнее!» Соревновались в труде и спорте, в быту и учёбе. Большой и малый городские стадионы не пустовали ни зимой, ни летом: эстафеты и соревнования, товарищеские матчи и сдача норм ГТО. К памятным датам проводились массовые забеги по улицам города и заплывы на водохранилище. Со временем в городе появились свои спортивные школы, клубы, современное здание Дома спорта, крытый бассейн.

Жизнь в молодом городе кипела на стройках, день и ночь ровным пульсом билась в заводских цехах, звенела музыкой в струях фонтанов городских скверов, звонкими детскими голосами и смехом наполняла дворы. Город рос вширь и ввысь, от главной площади лучами расходились улицы, строились пятиэтажки, школы, детские сады. Городская набережная, бетонной стяжкой опоясавшая берег искусственного водохранилища, стала настоящей гордостью краснотурьинцев. Великолепную широкую панораму противоположного берега, достойную кисти маститого художника, как багет* картину, подчёркивала ажурная чугунная ограда и чёткие ряды широких ступеней, сбегаящих к самой кромке воды. Здесь, на набережной, по многолетней традиции поколений, после выпускного бала, прогуляв по городу всю июньскую белую ночь, собираются выпускники, чтобы встретить на берегу Турьи первый рассвет взрослой жизни.

В шестидесятые годы на новостройки города приезжала работать молодёжь со всех уголков нашей необъятной Родины: работали и учились, встречались и влюблялись, создавали семьи и, не смотря на суровый климат, оставались в молодом растущем городе навсегда. Такими были и наши с братом родители. Мама – учительница в школе рабочей молодёжи, папа – представитель этой самой молодёжи: строитель, столяр и слесарь в одном лице. Она родилась в Мордовии, закончила Ардатовское педагогическое училище, три года по распре-

делению отработала в Красноярском крае учительницей в сельской начальной школе, потом приехала на Урал. Отец до приезда в Краснотурьинск жил в Белгородской области, в шестнадцать лет уехал учиться в Златоуст, где получил фабрично-заводское образование и профессию каменщика, в девятнадцать лет был призван в армию, отслужил три года в пограничных войсках Одесского военного округа, демобилизовался в звании младшего сержанта.

Они приехали в Краснотурьинск в разное время и из разных мест, чтобы в далёком 1958 году встретиться, стать семьёй и более полувека прожить вместе. В городе Краснотурьинске, ставшем малой родиной для их детей и внуков – Городе Моего Детства.

Лиза (Дом, в котором я живу)

Когда в далёком, 1953 году, молодая сельская учительница Лиза Минькина приехала на Урал, город Краснотурьинск представлял собой одну огромную строительную площадку. Богословский алюминиевый завод, возведённый здесь за годы войны, дал новую жизнь посёлку Турьинские Рудники и статус города. Рабочий посёлок на глазах своих жителей стремительно превращался в современный, многоэтажный город. Каждое второе здание было либо школой, либо общежитием.

Застройка проводилась по плану, тщательно разработанному Ленинградскими архитекторами: центральная площадь в форме полукруга даёт начало широкому бульвару, в обе стороны от площади тянется главная улица, конечно же, имени Ленина, и как лучики солнца отходят ещё две – Молодёжная и Базстроевская, возводимая трестом БАЗ-Строй, как, впрочем, и все остальные здания города.

Контур площади очертили вогнутые здания индустриального техникума и общежития для специалистов, а по центру между ними – здание горисполкома. Там же расположился районный Отдел народного образования, куда и обратилась Лиза за назначением на работу.

У Лизы Минькиной уже был трёхлетний опыт работы в сельской школе в далёкой Сибири, куда она была направлена сразу после окончания Ардатовского педагогического училища. Невысокая, худенькая, голубоглазая, с русыми косами, уложенными на затылке, она выглядела почти подростком. Хозяйка, к которой её определили на постой, звала её дочкой и всячески опекала. Но для всех остальных она была Учителем, и звали её в селе только по имени-отчеству.

И всё же, отработав положенный срок, оставаться навсегда в таёжных просторах Сибири Лиза не захотела – слишком далеко от её малой родины Мордовии. Поехала к двоюродному брату на Урал, туда, где росли молодые города, возводились заводы, бурлила рабочая жизнь.

Лиза выросла в деревне в трудные, голодные годы войны. Отец ушёл на фронт в сорок первом и пропал без вести в сорок четвёртом где-то Ленинградском фронте, на Ладогe. На её детские плечи рано легли все тяготы крестьянского труда на колхозных полях, приусадебном участке и по домашнему хозяйству – надо было помогать маме и бабушке растить младших брата и сестру. Стать однажды настоящей горожанкой было заветной мечтой юной Лизаветы. Уважаемая и интеллигентная профессия учителя давала такой шанс, и Лиза была полна решимости им воспользоваться.

Первое назначение в Краснотурьинском райОНО она получила в районный рабочий посёлок, в начальную школу, где отработала год и зарекомендовала себя знающим педагогом и энергичной пионервожатой в летнем пионерском лагере. С отличной характеристикой в конце лета она вновь приехала в отдел народного образования с просьбой перевести её на работу в городскую школу. Её перевели, но... в город Волчанск, в тридцати пяти километрах от Краснотурьинска.

Лиза не стала расстраиваться и приняла направление, тем более что в Волчанске и жил её двоюродный брат Виктор Винокуров с семьёй. Вскоре туда же приехала и её младшая сестра Нина, устроилась работать на угольный разрез, влилась в трудовой коллектив. Там же Нина познакомилась со Станиславом, своим будущим мужем. Он тоже работал на карьере, водил самосвал.

Лиза была рада за сестру, но сама только отшучивалась на предложения о знакомствах. Она похорошела за пару лет в городе: косы сменили модные кудри, в скромном гардеробе появилось шифоновое платье и туфли на остром каблучке, речь стала быстрой, образная.

От былой застенчивости не осталось и следа. С каждой маленькой профессиональной победой Лизавета чувствовала всё больше решимости добиваться осуществления своей мечты. Она продолжала совершенствоваться и набираться опыта работы в Волчанской школе, и через год снова отправилась в районный центр.

Молодой Краснотурьинск за пару прошедших лет неуловимо изменился, как меняется повзрослевший подросток. Чётче проступили черты будущего облика города: прирастали этажами дома, удлинялись и выравнивались улицы. Солнце бликами сверкало в огромных стеклянных витринах, отражалось праздничным блеском в стёклах звенящих трамваев, веселыми солнечными зайчиками прыгало по зеркалам машин и автобусов.

Она уже любила этот город! Музыка для неё звучала лёгкий стук каблучков по чистым тротуарам, шелест молодой листвы, шум городских фонтанов. Вдоль широких тротуаров тянулись аллеи молоденьких тополей, лип и ясеней, на набережной и в скверах жёлтая акация разрасталась в живую изгородь. Вечерами ровными рядами от площади разбегались огни, постепенно теряя строгий порядок и рассыпаясь отдельными искрами. Лиза готова была ночь напролёт бродить по городу, вдыхая запах тополей, смешанный с дыханием близкой тайги!

...Массивная входная дверь на этот раз открылась на удивление легко. «Хороший знак!» – подумала Лиза. Она легко вбежала по широкой лестнице на второй этаж, быстро дошла до нужных кабинетов. Перед дверью приёмной начальника РайОНО, уже взявшись за ручку, на секунду задержалась. Поправила строгую юбку, одёрнула тщательно отглаженную блузку, набрала в грудь побольше воздуха и решительно потянула дверь на себя.

Секретарша что-то торопливо строчила на пишущей машинке, не отрывая взгляда от текста.

– Здравствуйте! Александр Борисович у себя? Я к нему за направлением! – на одном дыхании выпалила Лиза.

– У себя! Проходите! – секретарша кивнула на дверь, мельком взглянув на посетительницу.

Лиза проскользнула в кабинет. За столом необъятных размеров, оббитым зелёным сукном, сидел человек в мешковатом сером костюме самой обыкновенной, какой-то домашней наружности. Когда скрипнула дверь, он оторвался от бумаг, разложенных перед ним на столе, и поднял голову. Тут же лицо его расцвело приветливой улыбкой:

– А! Елизавета Фёдоровна!? Как же, как же, припоминаю. Опять к нам? Какими судьбами? Да Вы проходите, присаживайтесь! Рассказывайте!

Ободрённая таким радушным приёмом, Лиза прошла к столу и села на один из стульев с высокой спинкой.

– Александр Борисович, я Вам говорила, что каждый год буду к Вам приезжать, пока вы мне работу в Краснотурьинске не дадите! Вот моя характеристика с места работы, а вот моё заявление о переводе! – она выложила на стол два документа.

Начальник с неподдельным интересом углубился в изучение документов.

– Я на любую работу согласна! – с прежним напором продолжала Лиза. – Если нет места в начальной школе, могу работать пионервожатой или вести группу продлённого дня.

– Экая Вы настойчивая! Так уж и на любую?!

– Конечно. Но только по специальности!

– Ну, а если ученики будут постарше, чем семь лет? Лет, эдак, по двадцать пять, тридцать? Справитесь? – Александр Борисович смотрел с прищуром, чему-то улыбаясь.

– Курсы какие-нибудь? Но я же преподаватель начальных классов! – Лиза смутилась. Он что, шутки шутить вздумал?

– Вот по специальности и будете преподавать. В школе рабочей молодёжи. Согласны?

Лиза не сразу поняла, что начальник РайОНО всерьёз предлагает ей место работы, а когда поняла, только что не подпрыгнула на стуле. Задыхаясь от восторга и не находя слов она быстро-быстро закивала головой, пока её новый шеф не передумал.

А тот чиркнул резолюцию на её заявлении и вернул ей листок, вставая из-за стола.

– Характеристики у Вас отменные, упорства и смелости Вам не занимать. Идите, оформляйтесь в школу и общежитие. Коллектив рабфака опытный, старшие товарищи Вам помогут на первых порах. – Александр Борисович проводил Лизу до дверей и протянул для рукопожатия руку. – Так что, желаю успехов в работе, Елизавета Фёдоровна!

– Спасибо огромное, Александр Борисович! Вы не представляете, как я рада! Я буду очень стараться! – Лиза с чувством, двумя руками, стиснула широкую сухую ладонь.

– А весной – но это только между нами! – будет сдаваться дом для работников просвещения, в двух шагах от площади. Так что, как только оформитесь, сразу подавайте заявление на жильё, не стесняйтесь!

– Ещё раз огромное спасибо! Так и сделаю! – И Лиза выпорхнула из кабинета и не пошла, а почти полетела по широкому коридору, окрылённая новыми надеждами.

Ей всего двадцать четыре, мир полон света и удивительных людей, а её главная мечта почти осуществилась!

Переезд в общежитие, в комнату с тремя девушками, не был хлопотным, так как всё имущество Елизаветы умещалось в деревянном чемодане: несколько пар белья, три платья, шерстяная юбка, тёплый жакет да пара лакированных туфель для особо торжественных случаев.

Жизнь забила ключом: днём – самоподготовка, общественная работа, дежурство по комнате или общежитию. Вечером – уроки в вечерней школе молодёжи, фактически со своими ровесниками, а иногда и более старшими учениками.

Танцы в клубе по выходным не одобрялись старшими педагогическими наставниками, ведь учитель независимо от возраста «должен быть образцом высокой нравственности и дисциплины», но молодость брала своё и незамужние учительницы, сбившись в стайку, как студентки с надоевших лекций, сбегали от коменданта на танцы.

Каждый вечер возле кинотеатра и Дворца культуры кипела жизнь: молодёжь собиралась на киносеанс, концерт или танцевальный вечер. Многочисленные общежития пустели почти до полуночи, а в шесть утра их обитатели уже готовы были ринуться в новый день со всем молодым задором и нерастраченным энтузиазмом юности.

Лиза была общительна и дружелюбна, имела массу знакомых в школе, на заводе, в отделе образования и горисполкоме, а учителей города знала практически всех. Многие из них так же, как и она, рассчитывали на расселение из общежития в скором времени.

Всякий раз, проходя мимо стройки заветного дома (кстати, первого пятиэтажного дома в Краснотурьинске), девчата не могли удержаться от вздохов «Эх, скорее бы! Вот бы действительно тут жить!», но остановиться и посмотреть хотя бы через щелочку даже и не думали. Стройка была обнесена высоким забором из плотно сбитых деревянных щитов, по верху забора шла колючая проволока, по углам стояли вышки с автоматчиками.

Дело в том, что на строительстве завода, теплоцентрали и города в целом активно использовали труд военнопленных и трудармейцев. Их привозили и увозили с работы под конвоем, охраняли с собаками. Поэтому каждая строительная площадка становилась чуть ли не стратегическим объектом, и потому усиленно охранялась.

Миновала пышная, короткая осень, отвыюжила долгая зима с трескучими морозами, сугробами по пояс, робко прокралась весна с ранними заморозками, первыми клейкими листочками на тополях – подошёл к концу учебный год. Прозвенел последний звонок в школах, облетел яблоневый цвет, улеглась белая пена черёмух. Учителя разъехались, кто в отпуска, кто в пионерские лагеря. Общежитие почти опустело.

Лиза осталась на вспомогательных работах в школе, помогала заведующей хозяйством с ремонтом классов, а проще говоря – мыла школьные парты, окна, батареи. И вдруг – звонок коменданту из РайОНО с распоряжением представить списки кандидатов на расселение.

Возможно, эти списки были составлены и согласованы заранее, а может быть составлялись в спешке из фамилий тех, кто не уехал. Так или иначе, а через пару дней Елизавета Минькина и ещё две девушки из коллектива вечерней школы рабочей молодёжи получили ордер на комнату в трёхкомнатной квартире в первом пятиэтажном доме города!

Каждый вновь построенный дом быстро заселялся, причём отдельную квартиру отдельной семье предоставляли очень редко, только ведущим, особо ценным специалистам. В основном квартиры распределяли по принципу коммунального жилья: одна семья – одна комната, кухня и удобства – общие. В квартиру, выделенную горисполкому и райОНО, заселили девять молодых учительниц, по три девушки в каждую комнату.

Девчата быстро перезнакомились, подружились и с энтузиазмом стали обживать свои комнаты, что по тем временам было делом не простым. Проживая в общежитиях или на квартирах у молодых учителей не было необходимости обзаводиться мебелью, подушками и одеялами – всё это прилагалось к койко-месту. Теперь же понадобилось всё и сразу, от вешалки и кружки до кровати и подушки, а зарплаты учителей были ну очень скромными. Как же быть?

Ответ лежал буквально под ногами: вокруг дома ещё оставался некоторый строительный мусор, в том числе и не убранные деревянные щиты забора.

Вечером три подруги подняли к себе в комнату на пятый этаж четыре таких щита и пару десятков кирпичей. Три щита, брошенные на кирпичи, стали топчанами, а четвёртый, водруженный на ящик из-под гвоздей, превратился в стол. Огромная комната стала хоть немного походить на жилую. Лепнина на потолке была пока единственным украшением интерьера.

Позже у своего бывшего коменданта девчата разжились несколькими новыми мешками, распорол их по швам и из мешковины нашили чехлов для матрасов. Чехлы и наволочки набили деревянной стружкой и опилками с соседней стройки, бросили на топчаны, застелили простынями и покрывалами – вот вам и кровати! В стены и косяки дверей вбили гвозди покрепче – вот вам и вешалки. Составили свои чемоданы горкой, застелили салфеткой – вот вам и комод! Так и начинали жить.

Жили девчата дружно, весело. Не было в этом доме кухонных ссор, как не было чужой беды или чужой радости. Вместе отмечали дни рождения и большие праздники, вместе выходили на субботники во дворе дома. Но время шло, по мере роста города коммуналки расселяли, девчата разъезжались: одна уезжала по новому назначению, другая выходила замуж и новая семья получала отдельную комнату... Через четыре года из старожилов остались Лиза и Люда, каждая в своей комнате. Третью, большую, занимала Клавдия с мужем.

А вскоре и Лиза встретила своего Сашу, и через несколько месяцев свиданий молодые стали жить вместе.

Как вы уже поняли, это были наши с братом мама и папа.

И дом, в котором они прожили почти пятьдесят лет.

Тихий час

Мои самые первые воспоминания относятся к возрасту двух-трёх лет. Родители не верили, что я сама это помню, а не воспроизвожу по их собственным рассказам. Но я действительно помню оконные переплеты рам, выкрашенных в темно-зелёный цвет, потертые ковровые дорожки и холодные деревянные полы веранды, на которой нас, малышкой ясельной группы, укладывали спать в «тихий час».

В 60-е годы, на которые пришлось моё раннее детство, в детских заведениях строго придерживались программы профилактики простудных заболеваний методом закаливания. Летом нам устраивали на улице душ из шланга или обтирания водой, разрешали бегать на прогулках босиком, а с ранней весны до поздней осени на «тихий час» укладывали спать не в группе, а на закрытой веранде.

Всех – и мальчишек, и девчонок – обряжали во фланелевые рубашки длиной до пят и с длинным рукавом, головы повязывали платочками, (что очень смешило девочек и страшно сердило мальчиков) тут же, на веранде, высаживали всех на горшки, а потом воспитательница с няней тщательно упаковывали каждого в отдельный спальный мешок, оставляя снаружи только лицо. Мешок закрывался не застёжкой – «молнией», а верёвочными завязками, пришитыми снаружи. Добраться до них изнутри не было никакой возможности, а значит, и выбраться из спальника самостоятельно. Капюшон мешал смотреть по сторонам, закрывал обзор, а кровати, на которые нас укладывали, были больше похожи на столы для пеленания младенцев – такие же жёсткие, с низкими бортиками, так что ворочаться на них было себе дороже. Мне, впрочем, в этом мешке было тепло и уютно, озябшие на холодном полу босые ноги быстро согревались, а свежий, даже морозный, воздух только крепче смеживал веки, и я быстро погружалась в сон, уютно посапывая носом...

Придет Серенький Волчок и укусит за бочок!

Так получилось, что с моей подружкой и одноклассницей Светой мы были знакомы с тех самых яслей. Однажды я поделилась с ней этими воспоминаниями, мне было интересно узнать, что помнит она. И вот что она мне рассказала:

«Мне в яслях нравилось, если бы не „тихий час“. Только из-за него я начинала канючить по дороге в ясли, и мама то ругала меня за капризы, то уговаривала, то сулила сладости. Я, конечно, давала себя уговорить, приходила в группу и за играми забывалась до обеда. А потом приходил „Тихий час“! Для меня эти два часа были пыткой, – вспоминала Светлана. – Всё во мне протестовало против несвободы, потому что, находясь в таком положении, запросто можно проморгать момент, когда „придёт серенький Волчок и укусит за бочок“! И я изо всех сил боролась со сном, спелёнутая в позе мумии, но, в конце концов, конечно, засыпала. Волчок если и приходил, пока я спала, меня почему-то не трогал, но кто его знает, что он сделает завтра?! И никто не догадывался о моих страхах, а я не умела про них сказать».

Даже если-бы Света рассказала мне тогда про волка, вряд ли бы я её поняла: сказка про Волка и Красную шапочку была одной из любимых моих сказок. Почти каждый вечер перед сном кто-нибудь из домашних рассказывал мне сказку на ночь. У меня дома над кроватью висел коврик, на котором был нарисован лес, избушка на опушке, девочка с корзиной, а за деревьями прятался Серый Волк, совсем не страшный. Так что мне её страхи были неведомы, и я, совершенно не протестуя, топала по утрам в ясли, стараясь успевать за вечно спешащей мамой, а если и капризничала иногда, то лишь потому, что не высыпалась.

Но уже в раздевалке, пока мама снимала с меня многочисленные штаны и кофты, заснеженные валенки с калошами или мокрые резиновые сапожки, натягивала на меня колготы и застёгивала сандалии, оправляла платице, смятое под верхней одеждой, я нетерпеливо приплясывала на месте, провожая взглядом каждого, кто уходил в группу. Помахав на прощание ручкой своей маме, бабушке или папе, очередной малыш скрывался за дверью, а я в это время старалась заглянуть в растворенную дверь, туда, где меня всегда ждали друзья-подружки, любимые игрушки и всегда новые игры.

Канун 1969-го

В семейном альбоме хранится чёрно-белая фотография нашей младшей ясельной группы, сделанная в канун Нового, 1969 года: на фоне жиденькой ёлки, густо завешанной серебристым «дождиком», стоит Дед Мороз с посохом, накладной бородой, с какой-то испуганной Снегурочкой из старших детей сада. Перед ними в два ряда разместились чуть больше десятка малышек: первый ряд – сидит на низкой лавочке, второй – стоит за ними, воспита-

тели – по краям. Полтора десятка круглощёких, обритых почти наголо пупсов с глазами – пуговицами, в гольфах или носочках на пухлых ножках. В платьях с круглыми воротничками – девочки, в коротких штанишках и белых рубашках – мальчики. Лица воспитателей строги и сосредоточены, взгляды всех троих взрослых, и даже Деда Мороза, устремлены на сидящую в середине первого ряда малышку с кулачком во рту. Собственно, это уже второй снимок. На первом вместо малышки над скамейкой торчат задранные вверх ноги, отчётливо видны толстые рейтузы и гладкие подошвы сандалий. Но «отряд не заметил потери бойца», все смотрят кто куда, и только один пупс, под ноги которого свалилось этокое счастье, да стоящая за ним Снегурочка испуганно заглядывают куда-то вниз, вытягивая шеи. Можно только догадываться, что происходило в группе между двумя этими снимками, какой суетой сопровождалась вторая попытка сфотографировать всех в целостности и сохранности, и с какими комментариями вручали моим родителям эти фотографии. Как бы там ни было, в семейном альбоме они обе заняли своё место и неизменно вызывали улыбку, а то и смех у всякого, кто их рассматривал.

Отряд не заметил потери бойца...

Мама имела привычку подписывать на память все фотографии: где и когда фотографировались, по какому поводу, а на групповых снимках с обратной стороны записывала имена и фамилии всех участников съёмки. Благодаря её записям я знаю имена тех, с кем играла когда-то, ещё в яслях. С некоторыми я потом ходила в детский сад, играла во дворе нашего дома в песочнице, а потом училась в одном классе в школе. Но это уже совсем другие истории...

Мороженое

Мамина сестра Нина, моя тётя, жила со своей семьёй в Узбекистане, в городе Ангрэн, что в ста километрах от Ташкента. В конце 60-х годов семья Поповых переехала в Ангрэн с Урала по комсомольской* путёвке на строительство бетонного завода и нового, молодого города. Когда мы впервые приехали к ним погостить, мне было, наверное, года три-четыре. Итак: Лето. Жара. Плюс сорок пять в тени. Солнце стоит в зените и палит нещадно.

В сандалиях на босу ногу я иду по мягкому, горячему асфальту, уцепившись за кожаную ручку маминой сумки. Мы возвращаемся с городского рынка. Мама и её сестра Нина нагружены авоськами* с арбузом и дынями, сумками с мясом, фаршем, овощами и фруктами. Им очень жарко – платья прилипли к спинам, по лицам стекают капельки пота, плечи загорели до красна; сейчас они похожи друг на друга как близняшки, несмотря на трёхлетнюю разницу в возрасте. Я иногда их путаю, называю мамой тётю, а она смеётся: «Да какая разница! Раз мы так похожи, считай, что у тебя две мамы!»

Идём по тротуару, стараясь придерживаться тени. Останавливаемся перед пешеходным переходом. Мимо в потоке выхлопов, гудков, реве моторов мчатся машины. На другой стороне улицы – наш дом в ряду таких же новеньких панельных четырёхэтажек, почти до крыши увитый виноградом. Мама с тётей рады короткой передышке, опускают сумки и авоськи на землю, придерживая, чтобы не рассыпались фрукты, о чём-то разговаривают и поглядывают на светофор.

Я стою рядом и с любопытством осматриваюсь по сторонам, как и всю дорогу на рынок и обратно. Мне всё здесь ново, всё интересно, очень многое не так, как у нас дома. Люди вроде обычные, но встречаются странно одетые – в длинных полосатых халатах и каких-то угловатых маленьких шапочках на обритых головах. А некоторые тётки ходят в таких же платьях, как у моих мамы и тётки, но из-под платьев видны пёстрые шаровары. А однажды я видела девочку в длинном пёстром платье и шароварах, у которой было много-много тоненьких косичек на голове. Я ещё подумала, как же долго их заплетать! У меня терпенья не хватает дожидаться, пока мама две заплетёт.

Я провожаю глазами очередную экзотическую тётю и замечаю буквально в двух шагах от нас, в густой тени каштанов, там, где тихо журчит вода в арыке* и веет прохладой, большую белую тележку на колёсиках с надписью «Мороженое». Читать я тогда ещё не умела, но по нарисованному на тележке пингвину и снежинкам не трудно догадаться, чем торгует продавщица в белом переднике.

Я тут же тяну маму за сумку: «Мам, купи мороженку! Ну, пожалуйста!»

«Мамы» переглянулись: они не против, но руки заняты авоськами, кошельки лежат где-то на дне сумок, да ещё какая-никакая, но очередь, а до дома – уже рукой подать. И тут загорается зелёный сигнал на светофоре. «Пошли! – решительно говорит тетя Нина и первая ступает на „зебру“. – Сейчас дома холодный арбуз разрежем!» «Таня, не отставай!» – командует мама и тянет меня за собой вместе с сумками. Раздосадованная, я семеню рядом, сердито надув щёки, но моё недовольство остаётся незамеченным.

Мы переходим раскалённую улицу, огибаем угол дома и ныряем в тенистую аллею из настоящего винограда, которая оканчивается входом в подъезд. Переговариваясь, охая и отдуваясь, мамы (и я с ними) поднимаются на третий этаж, тётя Нина ключом открывает дверь, и мы вваливаемся в узкую, тесную прихожую.

«Таня, не мешай, не путайся под ногами! – говорит мама. – Пойди пока в комнату. Сумки разберём – позовём!»

Как всегда! «Пойди в комнату!» Что я в этой комнате не видела!? В ней только на улицу с подоконника смотреть интересно. Под самым окном – руку протяни и дотянешься – торчат

верхушки диковинных деревьев с огромными цветами на ветках. Дома напротив, не как у нас на Урале – красные, кирпичные, с балкончиками, а белые, с ажурными бетонными фасадами, плоскими крышами и большими верандами вместо балконов – лоджия называется.

Я влезла на подоконник и уткнулась носом в стекло. Вон, на той стороне улицы – киоск «Союзпечать» с газетами и «Весёлыми картинками». Мама мне вчера купила там коробку цветных мелков. Возле киоска на складном стульчике сидит мальчишка, перед ним эмалированное ведро с крышкой – он продаёт варёную кукурузу. Кукуруза – это тоже очень вкусно, я уже пробовала! А чуть дальше, за «зеброй», под деревьями – тележка с мороженым! Ой! А очереди-то уже нет!!! Я соскакиваю с подоконника и бегу на кухню, чтобы сообщить мамам эту потрясающую новость.

На кухне во всю кипит работа: тётя борется с холодильником, запихивая в него пакеты с мясом и фаршем, мама чистит в мойке картошку, а на плите уже закипает вода в большой кастрюле. На кухонном столе горой возвышается арбуз, рядом на плоском блюде чернеют огромные сливы и виноград. В другое время я бы с удовольствием пристроилась за столом в обнимку с чашкой винограда, но мне ужасно хотелось мороженого!

«Мам, а мам!» – позвала я. Но за работой и оживлённым разговором сестры меня не услышали и даже появления моего не заметили, на моё «Мам, а мам!» никто даже не повернулся! Я топчусь на пороге кухни, теряя терпение, и тут мой взгляд падает на край стола, где сиротливо лежит потёртый, тощий мамин кошелёк с блестящими защёлками.

А ведь мороженое в любой момент может кончиться! Эта мысль буквально срывает меня с места.

Я решительно надеваю свои стоптанные сандалии и, не менее решительно хлопнув дверью, прыгаю через ступеньки лестничных пролётов и выскакиваю из подъезда, стиснув в кулачке кошелёк. Пробегаю короткую виноградную аллею, огибаю дом, с толпой прохожих пробегаю на другую сторону улицы и направляюсь прямо к мороженщице.

«Мне мороженку!»

Пышнотелая тётенька в белом фартуке, заколотом на груди брошью, с накрахмаленным кружевным колпаком на голове, деловито открывает и закрывает крышку своей тележки, каждый раз выпуская лёгкие облачка пара. Она достаёт покрытые инеем стаканчики сливочного, фруктового или шоколадного мороженого и, пронеся их мимо моего носа, передает в протянутые над моей головой руки. Деньги со звоном сыплются в жестяную чашку, мороженое уплывает над моей головой в неизвестном направлении, а я никак не соберусь с духом, чтобы подать голос. Наконец, продавщица сама замечает меня, вернее, мою белобрысую выгоревшую макушку и курносый нос, торчащие над краем её тележки.

– Тебе чего, девочка? Ты с кем?

– Я сама. Мне мороженку!

– А денежка у тебя есть?

– Вот! – гордо говорю я и, привстав на цыпочки, протягиваю тощий мамин кошелёк.

– Ну, давай посмотрим, сколько здесь... – Продавщица открывает кошелёк и на ладонь падает одна единственная желтая монетка. Она удивлённо поднимает брови, переворачивает и трясёт кошелёк ещё раз. Моё сердце сжимается от нехорошего предчувствия.

– Не хватает у тебя на мороженку, – говорит продавщица, – даже на фруктовое!

Предчувствие меня не обмануло! На мои глаза наворачиваются слёзы и я уже вот-вот готова зареветь от обиды, как вдруг сверху и сзади раздаётся знакомый голос:

– Сколько там не хватает, я добавлю!

Оборачиваюсь – рядом со мной стоит тётя Нина, а за ней – запыхавшаяся мама. Глаза у тётки смеются, губы расплылись в улыбке, а вот у мамы вид заполошный и негодующий: брови сошлись в одну угрожающую линию, глаза мечут молнии. Мне тут же захотелось прыгнуть в открытый люк тележки, захлопнуть крышку и изо всех сил держать её изнутри, но я словно приросла к месту, боясь пошевелиться.

– Вам какое, пломбир или шоколадное? – продавщица быстро сориентировалась в ситуации.

– Ты за каким мороженым бежала, егоза? – смеясь, спрашивает тётя Нина.

– За сливочным, – еле слышно шепчу я, уставившись на носки своих стоптанных сандалий. Ну всё, всыпят мне по полной, если не здесь и сейчас, то дома – точно!...

– Дайте три порции сливочного, – говорит тётя Нина и протягивает деньги.

Как ни странно, меня не наказали и даже не ругали, если не считать пары «ласковых» подзатыльников, которыми мама подгоняла меня через дорогу на обратном пути.

Вечером забрали из детского сада мальчишек, моих кузенов, пришёл с работы дядя Стасик, семья собралась за одним столом на ужин. Рассказывая, как прошёл день, тётя с мамой наперебой, в лицах и красках описывали моё бегство и их погоню за мной, когда они услышали хлопнувшую дверь и обнаружили пропажу меня и кошелька.

Дядя хохотал до слёз, представляя, как я пыталась купить мороженое на три копейки, мальчишки дразнили меня, считая на ладошках арбузные семечки, а я уплетала арбуз, болтала ногами, сидя на высоком стуле и весело смеялась вместе со всеми.

И только перед сном, после обязательного вечернего купания, мама попросила меня больше никогда не убегать без разрешения и не брать в руки ни чьи кошельки. Уставшая от долгого дня и пережитых волнений, досыта накормленная узбекским пловом, южными фруктами, арбузом и мороженым, я охотно пообещала быть послушной и с чистой совестью заснула крепким сном.

Черепаша

Из путешествия в Узбекистан к тётке Нине мы с мамой привезли домой живую черепаху! Не помню, кто придумал ей имя, но назвали её Лолита. Черепаха была песчаного цвета, тяжёлая и довольно большая – я еле обхватывала её своими ладошками.

Папа сказал, что черепахи живут триста лет! А возраст черепахи можно определить, пересчитав пластинки-кубики на панцире. Я к тому времени уже умела считать почти до десяти и с удивлением обнаружила, что Лолита намного кубиков старше меня!

Наверно, поэтому она никак не хотела бегать наперегонки со мной, моими куклами, пупсами и машинками, зато могла долго бродить по лабиринту, который мы с братом строили ей на полу из картонных коробок, книжек и деревянных кубиков, ловко забиралась на импровизированные* горки и скатывалась с них! В награду мы подкладывали ей на пути кусочки вареного яйца или мяса. Мне и конфет было не жалко, но она их не ела. А если я пыталась её подгонять и подталкивать, она обижалась, втягивала голову и лапки под панцирь и могла так долго-долго сидеть, как будто говорила: «Я больше не играю!» И тормошить её было бесполезно.

Когда её только привезли и пустили ползать по полу, она бродила несколько дней по всей квартире, а я каждое утро начинала с поисков черепахи. Это была наша любимая игра «в прятки»! Где только я её ни находила! Под диваном в самом дальнем углу, в коридоре под половиками, в папином ботинке, в бабушкином валенке, в корзине со своими игрушками, в ванной комнате за водопроводными трубами. Зачастую в поисках принимала участие вся семья, а найденная черепаха служила наградой победителю.

Но случилось, что «в прятки» выигрывала Лолита! В разгар безуспешных поисков она вдруг объявлялась неизвестно откуда и невозмутимо направлялась к своей кормушке, звучно цокая по полу твёрдыми коготками своих зеленоватых лапок.

После путешествий по всей квартире черепаха облюбовала себе, наконец, тёпленькое местечко под радиатором отопления на кухне. В углу ей поставили картонную коробку из-под обуви с прорезанным сбоку отверстием, куда она заползала, когда хотела побыть одна. Рядом стояла кормушка и блюдце с молоком, как для котёнка. Питалась она любыми овощами, сырыми и вареными, и даже рыбой и мясом, но больше всего она любила есть сочные листья капусты, а летом – цветы и листья одуванчиков. Могла, между прочим, преобильно цапнуть за палец, кусая листок – у неё на челюсти был клюв, острый как коготь.

С прогулок во дворе я приносила Лолите траву и одуванчики, но однажды уговорила маму разрешить мне прогулять Лолиту на улице. Мама разрешила её вынести, но только в коробке.

День был летний, солнечный. Во дворе мои друзья Андрей, Димка и Лёшка в песочнице строили крепость, на лужайке Ира с Леной играли в «Дом». Я выбрала место, где гуще росли одуванчики, поставила в траву коробку, с важным видом постелила своё покрывальце, уселась на него и приготовилась ждать, когда на нас с Лолитой обратят внимание.

Но мальчишки увлечённо рыли совками тоннель, девочки играли в куклы, а черепаха и не думала выходить на свет! Прошло уже целых пять минут, и моё терпение лопнуло!

Я открыла коробку. Лолита зажмурилась от света и, на всякий случай, втянула голову под панцирь. Ну, уж нет, дорогая, гулять, так гулять!

Я поместила черепаху в центре коврика, а перед ней торжественно положила пучок одуванчиков. Лолита ещё продолжала жмуриться и принюхиваться, а вот девочки уже увидели, кого я принесла «играть в дом».

«Смотрите, она от моего одуванчика откусила!»

– Ой, смотрите, живая черепаха! – воскликнула Лена, к ней присоединилась Ира и через минуту вокруг нас с Лолитой собрались все, кто был на детской площадке.

– А можно её потрогать? Ой, какая твердая!

– А можно я её покормлю?

– И я хочу! Смотрите, она от моего одуванчика откусила!

– А она кусается? А как она пьёт?

Меня распирало от удовольствия! Вот она, минута славы! Я подробно отвечала на вопросы, разрешала черепахе гладить всем по очереди, требовала не загораживать ей солнце, потому что она привыкла жить в пустыне, где очень жарко.

Ира и Лена посадили рядом своих кукол с букетиками травы и цветов, споря, к которой из них поползёт Лолита. Черепаха тем временем немного освоилась и сама отправилась за цветами и свежей зеленью, не обращая ни малейшего внимания ни на кукол, ни на детей.

– А где черепаха в пустыне живёт? В своём домике? – спросил Димка.

– Она, наверно, себе норку роет и там ночью прячется, – предположил Андрей.

– А давайте ей в нашей крепости норку сделаем, как гараж! – предложил Лёшка.

– А ещё лучше – лабиринт! – подхватила я. – Я ей всегда дома такой из коробок делаю.

Сказано – сделано! Мы огородили черепаху какими-то прутиками и дощечками, велели Ире и Лене присматривать за Лолитой, а сами дружно принялись уже в четыре совка расширять «гараж» и строить лабиринт.

Работа кипела, мы придумывали всё новые мостики, тоннели и пещеры, кроме мокрого песка в ход шли деревянные дощечки, палочки от мороженого, цветные стёклышки и железные пробки от бутылок лимонада. Наш «замок» со рвом и лабиринтом расширился уже до бортов песочницы, я водрузила на макушку перевернутое ведёрко, перелезла через бортик и с гордостью осмотрела нашу работу. Мальчишки стояли рядом, отряхивая грязные ладошки, чумазые и довольные.

На скамейке напротив сидела Ира и с интересом рассматривала наш «замок», по-птичьи склонив голову набок. Рядом лежала её кукла.

– А где Лена? – спросила я.

– Её домой позвали, – беспечно ответила Ира.

– А Лолита?! – увлечённая строительством, я совсем забыла о черепахе!

– Там! – Ира беспечно махнула рукой в сторону одиноко лежащего коврика.

Я кинулась к огороженной лужайке. Где же ты, где, черепашка моя любимая!? Я в панике оглядывалась по сторонам, сердце гулко стучало в груди. К моему ужасу, черепахи нигде не было!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.